

УДК 316.422

А.А. Награльян

A.A. Nagralyan

**К ВОПРОСУ О
МОДЕРНИЗАЦИИ И
ВЕСТЕРНИЗАЦИИ:
ВЗАИМОСВЯЗИ И
СООТНОШЕНИЕ**

**TO THE QUESTION OF
MODERNIZATION AND
WESTERNIZATION: THE
RELATIONSHIP AND THE
RELATIONSHIP ABSTRACT**

В статье обосновано, что с точки зрения линейной модели соотношения современного и традиционного вестернизация является закономерным следствием догоняющей модернизации типологически незападных обществ.

Ключевые слова: модернизация, вестернизация, риски модернизации, российское общество.

The article substantiates that from the point of view of the linear model of modern and traditional Westernization is a natural consequence of the catch-up modernization of typologically non-Western societies.

Key words: modernization, Westernization, modernization risks, Russian society.

А.А. Награльян,

кандидат социологических наук, начальник департамента управления персоналом ОАО «РЖД», начальник Центра внутренней политики и развития корпоративной культуры ОАО «РЖД», заведующий сектором изучения организационных структур ЮРФИС РАН
E-mail: anton.nagralyan@gmail.com.

A.A. Nagralyan,

Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Staff Management of Russian Railways, Head of the Centre of Internal Policies and the Development of Corporate Culture of Russian Railways, Head of the sector of the study of organizational structures of South Russian Department of the Institute of Sociology RAS.
E-mail: anton.nagralyan@gmail.com.

© Награльян А.А., 2012

© Nagralyan A.A., 2012

Специфика самого процесса модернизации заключается в наличии намеченной цели и средств ее реализации, что требует мобилизации значительных ресурсов для достижения конечного результата посредством использования инструментов политической власти. Именно элита в конечном итоге выступает в качестве не только генератора идей модернизации, но и той силы, которая непосредственно осуществляет преобразования, конструирует модель обновленного общества, тогда как остальные слои населения не обладают сколько-нибудь четкими представлениями относительно модернизационных преобразований. Фактически модернизация есть не что иное, как стратегия государственной власти, задающей вектор развития для всего общества. В качестве примера можно обратиться к опыту советской модернизации, ставшей результатом именно деятельности руководства страны, точнее даже конкретных исторических фигур, выступивших в качестве ее инициаторов и проводников. Именно советской элитой, взявшей на себя право действовать от имени и в интересах общества в целом, был выработан курс на модернизацию послереволюционной России.

В ходе индустриализации было существенно сокращено технологическое отставание советского государства от ведущих западных держав, ряд отраслей отечественной науки и промышленности, в первую очередь в оборонной сфере, достигли такого уровня, который позволял СССР на равных конкурировать с США и странами Западной Европы. Вместе с тем распад Советского Союза и последовавший за ним глубокий социально-экономический и социокультурный кризис обнажили серьезные недостатки советской системы, ставшие причиной разрыва между СССР и западными государствами в самых разных сферах социального бытия, начиная с области гражданских прав и свобод и заканчивая уровнем здравоохранения и социального обеспечения, бытового обслуживания населения, информационно-коммуникационной инфраструктуры. Выяснилось, что, несмотря на военную и индустриальную мощь советской державы, уровень жизни подавляющего большинства населения, за исключением узкой прослойки партийной и государственной элиты, крайне низок в сравнении с уровнем жизни средневропейского человека.

Отказ от идеи дальнейшей реализации коммунистического эксперимента повлек за собой необходимость новой модернизации, которая в данном случае подразумевала уже не только преодоление технико-технологического отставания от стран Запада, что имело место и в годы существования СССР, но и переориентацию на строительство демократического рыночного общества, открытого и интегрированного в мировое политическое и экономическое пространство. Однако в данном случае остро встал вопрос о самой возможности модернизации российского социума по западному образцу, принятия западных норм и ценностей. Мно-

гие представители отечественной политической и интеллектуальной элиты приветствовали вестернизацию российского общества, противопоставляя «отсталую» Россию «цивилизованному» Западу, лишь ориентация на который способна помочь России занять прочные позиции в мировом обществе. Исследователи подчеркивают, что до последнего времени так и не сложилось единой точки зрения на то, что же следует понимать под модернизацией современного российского общества [1]. И тем не менее в ходе многочисленных дискуссий по проблеме модернизации удалось прийти к нескольким выводам относительно ее природы в условиях современной России. Прежде всего, модернизация представляет собой преодоление существующего отставания от ряда наиболее развитых государств мира, при этом, естественно, исключаются представления о некоем «особом пути» российского общества, отличном от стран Запада. Вместе с тем следует признать, что модернизация важна для современного российского социума, в первую очередь, потому, что вызвана потребностью в укреплении позиций страны в политической, экономической и культурной жизни мирового сообщества. Существуют примеры государств, прошедших за достаточно короткие сроки путь модернизации, значительно сокративший их отставание от развитых государств Запада. В их числе можно назвать, в первую очередь, ряд государств Юго-Восточной Азии – так называемых «азиатских тигров», которым удалось в течение нескольких десятилетий превратиться из отсталых аграрных стран в передовые, основывающие свою экономику на развитии и применении инновационных технологий.

В то же время перед собственно западными обществами никогда и не стояла задача «осовременивания», поскольку современность не рассматривалась в западной традиции в качестве «внешнего» объекта. Следовательно, и модернизация в странах Запада выступала лишь естественным и закономерным, органичным процессом развития, опирающимся на собственные ресурсы – экономические, политические и культурные. Фактически происходило самолицетворение Запада с современностью, тогда как на незападные общества распространялось понятие отсталости, позволяющее утверждать необходимость их модернизации по западному образцу, в том числе и модернизации насильственной (именно последняя выступала во многих случаях оправданием колониальной экспансии европейских государств и США, а в настоящее время служит делу «утверждения демократии» в незападных обществах).

Как отмечает отечественный исследователь Б.Г. Капустин, применительно к западной цивилизации не следует говорить о современности как о некоей цели социального развития, скорее ее можно охарактеризовать как перманентный антитрадиционализм, заключающийся в постоянном обновлении самих основ социальной жизни.

Ф. Закария указывает на тот факт, что в современном «незападном» мире термин «модернизация» воспринимается как тождественный по своему значению терминам «вестернизация» и даже «американизация» [2]. Поскольку в большинстве случаев модернизационные процессы носят «догоняющий» характер, т.е. страна, проводящая модернизацию, принимает в качестве образца модель организации общества и экономики, существующую в развитых государствах Запада, параллельно начинается и вестернизация образа жизни. Это влечет за собой размывание основ традиционной культуры, но новая культура на ее месте не появляется. Как справедливо отметил А.С. Панарин, общества, не относящиеся исторически к западной цивилизации, но решившие следовать по западному пути развития, не могут воспринять ценности западного мира, заключающиеся в гармоничном сочетании трудолюбия и потребительства, аскетизма и гедонизма, в полном объеме, в результате чего происходит принятие только гедонистических ценностей, что неизбежно влечет за собой распространение целого ряда негативных явлений [3].

Утверждаются суррогатные и подражательные формы западной массовой культуры, происходит девальвация ценностей, нарастают межпоколенческие противоречия между поколениями, что само по себе создает опасность духовно-нравственной деградации общества. Наиболее ярко данные процессы проявляются в странах с невысоким уровнем жизни населения, поскольку модернизация, с одной стороны, влечет за собой еще большее социальное расслоение, увеличивает различия в материальном благосостоянии отдельных социальных групп, а с другой – размывая сами основы традиционного мировоззрения и образа жизни, способствует возникновению различных социальных пороков – преступности, проституции, наркомании и алкоголизма. В частности, такие вестернизированные страны, как, скажем, Филиппины, в которых национальная культура подверглась сильному разрушению, характеризуются крайне высокими социальными контрастами, распространением различных девиаций среди населения, общей социально-политической нестабильностью, выражающейся в том числе и в длящемся десятилетиями вооруженном противостоянии правительства и различных оппозиционных организаций антизападной направленности.

Цивилизация Запада развивается скорее горизонтально, руководствуясь ценностями материальными, нежели вертикально, т.е. беря за идейную основу социального развития нематериальные сакральные ценности. Западное общество предельно секуляризовано, включая и церковные институты. Для стран, не входящих в западную цивилизацию и, соответственно, существенно отличающихся от Запада характером направленности социального развития, модернизация именно потому и представляется сложной и разрушительной для национальной традиции задачей, по-

сколько требует переустройства с вертикального на горизонтальный вектор социального развития.

В этой связи В.Г. Федотова обращает внимание на то, что модернизационные процессы, происходившие в 1950-е – 1960-е гг. в государствах «третьего мира», скорее способствовали не столько их действительному социальному и экономическому развитию, сколько разрушили традиционную культуру, не привнося взамен более конструктивных моделей культуры [4].

Принятие примитивизованной западной масскультуры, сопровождающееся разрушением национальных культурных и мировоззренческих ценностей, С. Хантингтон определяет как вестернизацию без модернизации, в результате которой новое общество не формируется, а прежнее оказывается разрушенным, что в свою очередь ведет к глубокому духовному кризису, социальным противоречиям и, как следствие, всевозможным конфликтам [5]. В подобных обществах, каковыми, в частности, являются многие государства «третьего мира», подвергшиеся вестернизации, активизируются радикальные и экстремистские силы, стремящиеся противостоять продолжающемуся разрушению национальных ценностей, в котором они видят закономерное следствие влияния Запада. Международный терроризм, вдохновленный радикальными фундаменталистскими идеями, является одним из примеров подобного противостояния вестернизации, понимаемой как разрушение национальной культуры. Собственно говоря, и такие массовые движения XX в., пришедшие в ряде стран к власти, как фашизм, нацизм, коммунизм в различных его интерпретациях, а также многочисленные разновидности национализма и национального социализма, были лишь попыткой проведения модернизации без ориентации на западный путь развития [6].

После распада Советского Союза в подобной ситуации оказались и многие государства, возникшие на постсоветском пространстве. На смену идеалам и ценностям, разделявшимися господствовавшей в стране коммунистической идеологией, не пришла какая-либо новая, адекватная современным условиям идеологическая система. В Российской Федерации стремление противостоять негативным факторам модернизации проявляется в симпатиях значительной части населения к идее возврата к коммунистической модели общественного устройства, в исламских государствах Средней Азии и Закавказья, а также в регионах РФ со значительной долей мусульманского населения наблюдается рост исламского фундаментализма. Возвращение к религиозным и традиционалистским идеалам в данном случае рассматривается как наиболее адекватное противоядие угрозе потери национального самосознания и своеобразия, превращения не столько даже в экономический, сколько в культурный придаток Запада.

В то же время в конечном итоге, как отмечают исследователи,

«значительное большинство россиян сходятся на том, что процесс модернизации выведет страну на новый, существенно более высокий, чем в прошлом и настоящем, уровень развития и благосостояния, и лишь один из каждых 5–6 опрошенных совсем не верит в позитивные результаты российской модернизации или считает, что ее эффект скажется не раньше, чем нынешняя молодежь приблизится к предпенсионному и пенсионному возрасту» [7].

Более привлекательной моделью модернизации является модернизация без вестернизации, которая не подразумевает под собой отказ от традиционной культуры и разрушение национальной идентичности. В качестве примера можно привести Японию, в которой модернизационные процессы отнюдь не привели к отказу от национальных культурных ценностей, более того, последние прочно вошли в качестве основной составляющей и в политическую, и в социально-экономическую сферы жизнедеятельности общества. Так, «тойотистская» модель организации производства в основе своей руководствуется такими национальными ценностями, как коллективизм, преданность одной компании на протяжении жизни и т.д., причем успех японской экономики свидетельствует об эффективности этих ценностей и в современных условиях, что в свою очередь повышает интерес к «японскому чуду» и в странах Запада, деловые круги которых начинают перенимать японский опыт организации производства. По аналогичному сценарию развивались модернизационные процессы и в Республике Корея, где компании использовали за основу организации труда не присущую западному менталитету конкуренцию между работниками, а характерные для традиционного корейского общества патриархальные традиции патернализма и родовой преданности. В результате компании, взяв на себя ответственность за получение сотрудниками соответствующего образования, их медицинское и социальное обслуживание, получили взамен возможность пожизненного найма преданных делу, надежных работников [8].

Что касается современного российского общества, то здесь наблюдается достаточно четкое противостояние сторонников модернизации страны по западному образцу и традиционалистов, усматривающих в вестернизации потенциальную угрозу не только национальному культурному своеобразию, но и национальной безопасности как таковой.

Однако, как свидетельствуют результаты социологических исследований, в последние годы в России происходит некоторый рост количества сторонников модернизации, тогда как прежде значительная часть населения склонялась к традиционализму. Так, согласно данным 2010 г., сторонники модернизации составили 23 % опрошенных, традиционного пути развития – 15 % опрошенных, причем среди городского населения, характеризующегося более высоким уровнем как образованности, так и

социальных позиций, доля модернистов оказалась еще выше и составила 30 % респондентов против 8 % традиционалистов. Тогда как в 2006 г. доля модернистов составляла 25 %, а традиционалистов соответственно 13 % опрошенных [9]. Это свидетельствует о том, что все больше россиян начинают понимать модернизацию не в негативном ключе, как это было в 1990-е гг., когда политика экономических реформ вызвала обнищание значительной части населения, а с позитивной стороны, поскольку рассматривают успех российской экономики и, как следствие, улучшение собственного уровня жизни в качестве непосредственного результата эффективного модернизационного процесса. Примечательно, что практически 60 % опрошенных социологами уверены в успехе модернизации страны в перспективе ближайших 15 лет, и лишь 18 % убеждены, что модернизация в условиях российского общества невозможна.

В современном мире существует уже совершенно иная расстановка сил, чем это было, скажем, в XIX – XX вв. Если тогда Запад воспринимался как абсолютный образец для подражания всех стран мира, начиная от России и заканчивая Китаем, Японией или Турцией, то сегодня многие азиатские государства демонстрируют неменьшие экономические успехи, а уровень жизни в них может и превосходить показатели многих государств Западной Европы и Северной Америки. Ошибкой теории «догоняющей» модернизации является и подспудное представление о том, что западный мир стоит на месте, не изменяется, словно ожидая, пока его догонят отстающие в экономическом и социальном развитии государства. Но пока последние будут проводить преобразования, стремясь выйти на один уровень с западными странами, последние все же будут двигаться вперед, поэтому вряд ли разрыв между ними будет минимизирован.

К тому же не стоит исключать и цивилизационное несовпадение между европейскими странами и государствами «третьего мира», постсоветскими республиками, в том числе Россией. Поэтому мы можем согласиться с мнением Ш. Айзенштадта, утверждающего, что в современных условиях западноевропейская модель модернизации перестает быть абсолютной и исключительной, формируется плюрализм модернизационных моделей [10]. В условиях глобализации сама «догоняющая» модель модернизации становится бессмысленной, поскольку в мире уже существует целый ряд государств, способных выступать в качестве образца модернизации не по западному образцу.

Это понимают правящие и интеллектуальные круги многих стран, прежде ориентировавшихся исключительно на модернизацию посредством вестернизации, вхождения в западный мир. В качестве примера можно привести Турцию, которая во все большей степени стремится не столько к интеграции в европейское сообщество, поскольку в последние годы произошло осознание того, что в качестве равного партнера она никогда

не будет восприниматься западными государствами, сколько к формированию нового сообщества государств, близких в культурном и этническом отношении, в которое могли бы войти бывшие советские республики Закавказья и Средней Азии с тюркским населением.

Современный исследователь П. Ханна вообще предлагает свою модель организации расклада сил в современном мире, которая существенно отличается от общепринятой. По мнению ученого, сегодня, строго говоря, существуют три «мира», каждый из которых находится на разном уровне развития и, соответственно, способен оказывать различное влияние на мировые социально-экономические и политические процессы. К «первому миру» исследователь относит США, страны Европейского союза и Китай, обладающий к настоящему времени третьей по эффективности экономикой. «Третий мир», как и в других концепциях, включает в себя колоссальный массив стран Латинской Америки, Азии, Африки, Океании, которые не обладают никаким существенным влиянием на мировые процессы и, по большей части, находятся в состоянии глубокого кризиса и тотальной зависимости от стран «первого мира». Но Ханна пишет и о странах так называемого «второго мира». Это Япония, уже сегодня серьезно уступающая США, Евросоюзу и Китаю по масштабам развития экономики, Индия и Россия. Для данных стран в ближайшее время уже не суждено занять равные позиции с государствами «первого мира», но все же они обладают существенными возможностями для повышения своего политического и экономического влияния в мировом сообществе, в первую очередь для изменения соотношения сил между тремя ключевыми фигурантами мирового экономического процесса – США, Европой и Китаем [11].

Мы можем прийти к выводу, что общемировая тенденция в развитии теории модернизации заключается в вытеснении политикоцентричной модели моделью культуроцентричной, в основе которой лежит понимание модернизации как органичного процесса, опирающегося прежде всего на использование национального культурного опыта. Предлагаемую модель В.Г. Федотова определяет как постмодернизацию. И нельзя не согласиться с тем, что данная модель имеет под собой вполне реальное практическое подтверждение на примере стран Восточной и Юго-Восточной Азии, модернизационные процессы в которых во многом продемонстрировали свою эффективность именно благодаря активному использованию национальной культурной составляющей.

Отличие постмодернизации от модернизации состоит и в том, что модернизация не рассматривается как цель, которую можно достигнуть в настоящее время, пример чему – ситуация в современном российском обществе, перемены политического и экономического устройства которого в течение 1990-х – 2000-х гг. способствовали не столько сближению с Западом, сколько дальнейшему и прогрессирующему отдалению от него, при-

чем во всех сферах общественной жизни. Достаточно обратить внимание на процессы десекуляризации, возвращения к авторитарной модели политического устройства, национализму, которые рассматриваются рядом исследователей как демодернизация.

Таким образом, в качестве альтернативы модели «догоняющей» модернизации мыслится развитие с опорой на собственные силы, учитывающее собственную национальную социокультурную специфику, поскольку только такое развитие отвечает действительным интересам любого общества, стремящегося сохранить собственную идентичность и одновременно укрепить свои позиции в мировом сообществе, добиться действительного социально-экономического и научно-технического прогресса.

К тому же Россия обладает всеми необходимыми ресурсами для проведения преобразований и выхода на уровень лидеров мирового сообщества не только в политическом, но и в культурном, технологическом, экономическом отношении.

Примечания

1. Пономарев И., Ремизов М., Кареев Р., Бакулев В. Модернизация России как построение нового государства: независимый экспертный доклад. М., 2009.
2. Zakaria Fareed. The Roots of Rage // Newsweek. 2001. Oct., 15. P. 23.
3. Панарин А.С. Между атлантизмом и евразийством // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 4.
4. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
5. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 75.
6. Von Laue Th.H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxford. 1987.
7. Готово ли российское общество к модернизации?: аналитический доклад. М., 2010. С. 159.
8. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г. Риски и вызовы модернизации // NanoWeek. 2010. № 100.
9. Готово ли российское общество к модернизации?: аналитический доклад. М., 2010. С. 32.
10. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 29, № 1. P. 3–29.
11. Khanna R. The Second World Empires and Influence in the New Global World. L., 2008.